

времени, и объектные словосочетания с глаголами речи, в которых падежная или предложно-падежная форма обозначает второго участника речи.

Детально проанализированы конструкции со значением промежутка времени в трехчленной оппозиции: предшествования обозначенному времени (*до собрания, перед собранием*), совпадения с обозначенным временем (*во время собрания, на собрании*), следования после обозначенного времени (*после собрания*). В конструкциях, определяющих второго участника речи, рассмотрены способы выражения второго активного участника речи (*говорил с братом — говорил брату*), пассивного участника, участника речи — ее адресата (*доложил командиру*), наличия или отсутствия обозначения адресата речи («В это время докладчик Вельяминов... отвечал Акундину: „Вы правы так же, как права лавина, когда обрушивается с гор...“», А. Н. Толстой, Сестры. «Люся ходила в детский сад. Я спросил, как ей там живется. „Плохо“, — отвечала девочка, там же).

В пятом разделе определяется роль грамматических и смысловых факторов в оформлении согласуемого слова. Согласование автор считает наиболее «формализованным» способом установления связи между словами. Принципы согласования рассматриваются отдельно по каждой из категорий, которые может иметь согласуемая подчиненная форма. Такими являются формы рода, числа и лица. При выборе формы рода различаются несколько видов согласования: собственно грамматическое, условно-грамматическое, ассоциативно-грамматическое и смысловое согласование. При выборе формы числа согласование также зависит от грамматических и семантических особенностей господствующего слова. Согласование глагола-сказуемого с подлежащим зависит не от речевой ситуации, а от словесного выражения субъекта.

В шестом разделе рассматриваются явления, которые иногда не по праву относятся к согласованию. Речь идет о падежном параллелизме двух существительных в сочетаниях с приложением и предикативным существительным. Это особый способ синтаксической организации слов,

стоящий ближе к управлению, чем к согласованию.

Работа дает ясное представление об участии форм слова в синтаксической организации строго нормированной речи. По сути учтены все возможности употребления субстантивных падежей в предложениях.

Возможные замечания касаются прежде всего понятной неполноты работы. В отдельных случаях можно встретить абстрактные рассуждения, не подкрепленные достаточным иллюстративным материалом и поэтому трудно воспринимаемые. Отдельные положения не наполнены конкретным содержанием (стр. 82, 83, 102, 137, 141 и др.). Не раскрыты факты «примыкающего соединения» (по Н. Ю. Шведовой), когда в субстантивном словосочетании подчиненное существительное ставится в форме именительного падежа. Не раскрыта синтаксическая функция обращения. Автор не объясняет, как эта функция получает свое выражение при помощи входящих в предложение форм слов (стр. 234). Не нашла в работе достаточного отражения синонимичность и валентность слова в формировании управления и согласования. Интересно было бы, наверное, предложить анализ управления при словах — различных частях речи, отмечая синонимы и антонимы: это позволило бы показать, какими возможностями какое слово располагает, сколько беспредложных и сколько предложных конструкций оно способно образовать. Ср., например, ограниченность управляемых форм при слове *страх* и большее их число при слове *борьба* и т. п.

Эти и некоторые другие мелкие недочеты не снижают достоинств анализируемой книги. Она содержит много хороших и полезных рекомендаций и дает обильный материал не только для изучения способов синтаксической связи в словосочетании, но и для грамматической характеристики второстепенных членов предложения: «последние связаны с наиболее крупным разграничением компонентов предложения в соответствии с их коммуникативно-семантическими функциями» (стр. 236).

М. В. Симулик

«Этнография имен», ред. В. А. Никонов и Г. Г. Стратанович. — М., изд-во «Наука», 1971. 264 стр.

Имена собственные, занимающие весьма своеобразное место в словаре любого языка, выступают в качестве объекта целого ряда общественных наук — языкознания, этнографии, истории, географии, социологии и т. д., поэтому вполне

закономерно рассмотрение их с разных точек зрения. Вышедший под редакцией В. А. Никонова и Г. Г. Стратановича сборник «Этнография имен», подготовленный группой ономастики Института этнографии АН СССР, посвящен, как

видно из грифа и заголовка, этнографическому аспекту изучения имен собственных.

В сборнике рассмотрены вопросы разных отраслей ономастики (этнонимика, антропонимика, топонимика, а также более мелкие и слабо разработанные подразделения ономастики, изучающие клички животных, названия небесных объектов, собственные имена вещей и организаций) в отдельности и в их пересечении на материале различных языков и народов, причем статьи сборника не одинаковы по степени обобщения и глубины разработки материала, который в ряде случаев лишь инвентаризуется, но не исследуется в полном смысле слова, что неизбежно на первом этапе научного анализа. Разобраться во всей сложной проблематике, решаемой или просто затронутой в сборнике, помогает вводная статья «Этнография и изучение собственных имен», написанная редакторами тома, в которой содержание статей соотносится с актуальными задачами нынешней ономастики и сформулированы дальнейшие задачи в разных областях ономастических разысканий с учетом перечисленных во вводной статье достижений ономастики в последнее время.

Всего в сборнике «Этнография имен» помещено 42 статьи, из них 19 посвящено анализу личных имен (антропонимика), 13 — анализу географических названий (топонимика), 4 — анализу названий и самоназваний народов (этнонимика), 3 — связям географических названий с этническими и личными именами (комплексные вопросы ономастики) и лишь по одной статье анализу названий небесных объектов (космонимика), анализу кличек животных (зоонимика) и анализу так называемых словесных «товарных знаков» (название этой отрасли ономастики еще не установилось, как и ее объект). В сборнике также представлена одна статья зарубежного автора — В. Васченко, занимающегося разновидностями восточнославянских антропонимических систем. Количество статей по тому или иному разделу ономастики в сборнике отражает не только и не столько степень ее разработанности, сколько степень интереса к ней со стороны исследователей в настоящее время, а также объем подлежащего исследованию материала и возрастание интереса к изучению той или иной группы собственных имен в науке. Так, если изучение личных имен и географических названий уже имеет длительную традицию и выработанные методологические основы анализа подобного рода лексики (хотя обобщение сделанного и бурный интерес к изучению этих слов в последнее время, особенно в теоретическом плане, создает видимость зарождения здесь новых отраслей науки), то изучение этнических наименований, особенно в теоретическом плане сильно отстает от прочих

отраслей ономастики, чему (и это весьма поучительно!) в немалой степени способствовала традиционная орфография многих языков (и прежде всего современная русская), в соответствии с которой названия народов писались со строчной буквы и исключались из области собственных имен не только молчаливо, но и даже с попытками обосновать это исключение путем неубедительных рассуждений на эту тему¹. Другие отрасли изучения имен собственных имеют еще меньшую традицию разработки и представлены лишь единичными статьями; сборник, таким образом, отражает современное состояние развития ономастических исследований в нашей стране.

В сборнике рассматриваются преимущественно этнографические вопросы иногда в ущерб лингвистике, что проявляется, прежде всего, в отсутствии точно выработанной единой системы транскрипции, а использование для сопоставления форм, закрепившихся традицией в русской орфографической передаче иноязычных названий, смазывает их некоторые фонетические особенности. Можно ограничиться одним примером. Если в статье Н. А. Баскакова «Русские фамилии тюркского происхождения», продолжающей серию уже опубликованных статей под тем же названием, применяется тюркская транскрипция на латинской основе, то в следующей за ней статье Т. Ж. Жанузакова «Обычай и традиции в казахской антропонимии» тюркские слова можно узнать с трудом, ибо русская орфография стирает различия между гласными *о — ö, и — й*, между согласными *q — k, γ — g* и т. п. И уж совсем

¹ «Некоторые ошибочно считают, что к собственным именам относятся и названия племен и народов. Однако это неверно. Названия народов — такие же нарицательные имена, как и все остальные (?). Правда, они звучат для нас подобно собственным именам в том случае, если мы впервые слышим эти названия, например: племенные группы *сго, пво, бве*, народности *кая, пью, ва, нага, карены, качины, чины, моны* (Бирма). Но так же мы воспринимаем и неизвестные нам нарицательные: обычай любования цветами — *ханами* (Япония), древесная порода — *пниккадо*, золотой зонт на пагоде — *хти*, золотой или алмазный шар, венчающий пагоду, — *сейнбу*, круговой барабан — *саин-ваин*, бирманская арфа — *саун*, бирманский ксилофон — *паттала*, танцы — *оги, йодайя*, туфли без задников — *пана* (Бирма) и т. д. Все эти названия — не собственные имена, а просто незнакомые или мало знакомые нам имена нарицательные» (А. В. Супранская, Прописная и строчная буква в собственных именах разных категорий, «Орфография собственных имен», М., 1965, стр. 27—28).

неясно, почему почти одинаково звучащее в казахском и узбекском языках слово *bōri* «волк» передается на письме по-разному: казах. *бори*, узб. *бури*. Вероятно, здесь сказались особенности казахской и узбекской график (казах. *berі*, узб. *būri*), которые лишь частично были нивелированы при русской передаче (стр. 102). Неточная транскрипция ведет к незакономерным сближениям или, наоборот, раздвигает (при отсутствии последовательности в упрощении) формы, которые следовало бы сблизить.

Другой недостаток, свойственный многим статьям сборника, проявляется в некоторой беззаботности авторов при обосновании этимологических решений, когда этимология дается на слишком узком материале, который не может согласоваться с материалом родственных языков. Например, на основании двух названий для Венеры в турецком языке: *Чолпан* и *Чобан иылдызы* делается вывод, что и казахское *Шолпан жулдызы* значит «пастушья звезда» (стр. 235). Однако география иранизма *чобан*, *чолпан* (< перс. *šubān*) «пастух, чабан» и монголизма *Чолпан* «Венера» в современных тюркских языках такому этимологическому объяснению решительно противятся². Просто в турецком языке произошло случайное сближение двух основ разного происхождения, что ни в коей мере не может быть распространено на другие тюркские языки.

Не всегда преодолевается в сборнике и такой недостаток, как произвольное членение собственных имен на удобные для составителя части, причем учитываются лишь согласные и полностью игнорируются гласные. Особенно ярко этот недостаток проявляется в статье Л. С. Толстой «Некоторые вопросы исторической ономастики Хорезмского оазиса», где автор выделяет в хорезмских топонимах и этнонимах части, анпминающие по консонантизму название древнего государства в Месопотамии XVI—XIII вв. до н. э. — *Митанни* (Майтани), хотя уже сопоставление каракалпакского этнонима *мйитен* с узбекским *митан* (в орфографии Л. С. Толстой) требует обоснования из-за своей нерегулярности (узб. *i* — каракалп. *й*).

В статье можно отметить и другой недостаток, свойственный отдельным статьям сборника, — отсутствие историзма, проявляющееся в игнорировании данных из письменных памятников, которые дают возможность проверить пра-

вочность сопоставлений современных форм с удаленными от них хронологически и территориально древневосточными названиями.

Зато большая статья В. А. Никонova «Женские имена в России XVIII века» в то же время являет собой образец тонкого филологического анализа архивного материала из памятников деловой письменности: на основании последнего делаются весьма интересные выводы историко-этнографического характера относительно моды на имена в разных сословиях России XVIII в. Приведенные в этой статье материалы позволяют думать, что ставшее во многих языках Поволжья нарицательным общим названием русской женщины имя *Марья* (татар. *Маржа*, чуваш. *майра* и т. п.) первоначально относилось только к русским женщинам социальных верхов³.

Из частных замечаний укажем на то, что на стр. 97 груз. *Кутаиси* ошибочно толкуется как тюркизм (ср. др.-груз. *Kutatisi*).

В целом сборник исследований по собственным именам содержит большой фактический материал из разных регионов и языков, ряд интересных наблюдений над бытованием и развитием собственных имен, дает некоторые обобщения для общего учения о собственных именах и вводит в научный оборот новый конкретный фактический материал, особенно ценный для этнографии и истории. Сборник хорошо отражает современное состояние ономастических исследований в нашей стране. Широкий охват ономастической проблематики во всем ее объеме обусловил как слабые, так и сильные стороны сборника — они производны от состояния самой науки, которая развивается неравномерно на разных участках. Подводя итоги сделанному и ставя новые задачи, сборник будет способствовать подтягиванию отстающих участков науки.

Сборник «Этнография имен» с интересом будет встречен всеми специалистами по собственным именам с уклонами в разные науки, он будет полезен также для всех кто проявляет внимание к жизни собственных имен. Хотелось надеяться, что издание таких сборников будет более или менее регулярным.

И. Г. Добродомов

² M. Räsänen, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkischen, Helsinki, 1969, стр. 112, 115.

³ Ср.: Э. М. Ахунзянов, Русские заимствования в татарском языке, Казань, 1968, стр. 155, где отмечается первый не вполне ясный случай употребления этого слова в татарском документе 1639 г.